

сартанские отложения раннего (Sr 1) и среднего (Sr 2) отделов. Фаунистический материал раннего и среднегосартана не отличается по составу, однако насыщенность раннесартанских отложений гораздо выше и остатки фиксируются здесь по всей толще раннесартанского солифлюкса, что может свидетельствовать о высокой степени переотложения. Fauna местонахождения представлена костями северного оленя, бизона, лошади, благородного оленя.

Датировка культуросодержащих отложений основана на данных геостратиграфии и на радиоуглеродной дате, полученной по костному материалу из крови солифлюкционных суглинков раннесартанского возраста (шурф № 11), $- 22\ 900 \pm 500$ (ГИН-8512). Она полностью совпадает с нашими представлениями о возрасте геологических отложений и культурных остатков, содержавшихся в раннесартанском слое. Дата, полученная ранее [Стратиграфия..., 1990] для подошвы солифлюкса или его контакта с позднекаргинскими отложениями, $- 29\ 700 \pm 500$ (ГИН-4440).

Таким образом, в результате раскопок 1997 – 1998 гг. на местонахождении Военный Госпиталь выявлены его многослойность, наличие археологического и палеонтологического материала не только в “толще ненаслоенной глины” [Черский, 1872], которая, несомненно, представляет отложения среднего – позднего сартана (Sr 2 – Sr 4), но и в более древних

слоях, определяемых нами как раннесартанские и предположительно мурукутинские. Обнаружение обломка нуклеуса из кварцита с сильной корразией поверхности ставит совершенно новую проблему: наличие где-то в районе г. Иркутска или его окрестностях среднеплейстоценовых культурных отложений.

Список литературы

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Сёмин М.Ю., Ребриков П.Н., Заграфский С.И. Палеолитическое местонахождение Военный Госпиталь в Иркутске: былые заслуги – новые проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 114 – 117.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII конгрессу ИНКВА / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 172 с.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. СОРГО. – 1872. – Т. 3, № 3. – С. 167 – 192.

Материал поступил в редакцию 06.09.2000 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

А.В. Новиков

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novik@archaeology.nsc.ru*

СОБАКИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЮЖНО-ТАЕЖНОЙ ЗОН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследования, посвященные изучению роли собак в традиционной культуреaborигенного населения Западной Сибири, опираются главным образом на этнографические источники [Косарев, 1988, с. 84 – 113; Лукина, 1983, с. 226 – 233; Мошинская, Лукина, 1982, с. 226 – 233; Перевалова, 1996, с. 83 – 87; Разинкин, 1995, с. 320 – 321; и др.]. Чтобы составить более полное представление по данной проблеме, мы предлагаем привлечь археологические материалы.

Доместикация собаки. Опыт осмыслиения феномена

В большинстве работ инициатива в доместикации собак отдается человеку; это положение считается само собой разумеющимся. Дискуссии ведутся вокруг вопроса о мотивации человека, решившего однажды попробовать приручить предка собаки. Как представляется, сама постановка вопроса о каких-либо прагматических (в современном понимании) причинах доместикации собаки человеком является некорректной – одомашнивание собаки было объективным следствием сосуществования ее предков и человека. К подобному пониманию процесса доместикации собак склонялся ряд исследователей еще в начале XX в. [Bökönyi, 1974, р. 313].

Человек мог получить от предка собаки “сразу”, не прикладывая к этому особых усилий, несколько килограммов мяса и небольшую шкуру*. Что же ка-

сается всех остальных прагматических функций собаки, находящейся “на службе” у человека, то их осуществление предполагает выработку у животных значительного количества специальных навыков и приобретение новых качеств, которые отсутствуют у диких канисовых. Этот процесс столь длителен и сложен, что просто невозможно представить преднамеренную постановку задачи древним человеком, реализация которой заведомо откладывалась бы на десятки и сотни лет, при этом без гарантии успеха, без опоры на предшествующий опыт в области доместикации. Что же в таком случае заставляло “работать” механизм доместикации собак?

Можно предполагать, что первые опыты “общения” человека с канисовыми относятся к глубочайшей древности, к значительно более раннему времени, чем верхний палеолит. Видимо, они были связаны с начальными этапами социогенеза, когда были схожими не только многие первостепенные для жизнеобеспечения проблемы, стоявшие перед группами ранних гоминид и стайными хищниками (прежде всего канисовыми), но и мотивация поведения, поведенческие стереотипы (главным образом связанные с коллективной охотой на крупных животных – одного из важнейших видов деятельности в системе жизнеобеспечения ранних гоминид и канисовых) [Файнберг, 1980, с. 56 – 65]. Это объективно сближало древнего человека с диким предком собаки (наиболее вероятно, волком), который не был для древнего охотника представителем оппозиционного и непонятного ему “мира природы”: он охотился на тех же животных, использовал при этом те же приемы; организация жизни стаи была близка организации жизни ранних коллективов людей. Стai волков постоянно сопровождали

* Критическому разбору взглядов отдельных специалистов (Г.А. Бонч-Осмоловский, В.В. Гольмстен, В. Герр и другие), согласно которым использование мяса собак в пищу явилось причиной их доместикации, была посвящена специальная работа В.Я. Сергина [1971, с. 195 – 200].

коллективы древних охотников Северной Евразии. В некоторых случаях количество костных остатков канисовых (волков) позволяет предполагать некое выделение человеком животных этого семейства из своего природного окружения. Например, на Мезинской стоянке костные остатки “частично одомашненного” волка представлены в значительном количестве – 59 особей, 10,3% от всех животных [Шовкопляс, 1965, с. 101].

По мере дистанцирования от мира “дикой” природы для архаического общества возникала необходимость в получении “посредника” между ним и окружающим миром [Новик, 1994, с. 143]. Подобными посредниками могли быть, например, животные [Грачева, 1983, с. 131], в том числе собаки. Эта роль предполагает наделение собаки определенными человеческими качествами, что, возможно, и отразилось на сопровождающем некоторых погребенных собак “человеческом” инвентаре.

Отсутствие костей собак на памятниках эпохи верхнего палеолита и мезолита в Западной Сибири может послужить поводом для того, чтобы обойти сложнейшие вопросы, связанные с этими этапами существования человека и собаки в данном регионе. Однако нам представляется, что обратиться к ним совершенно необходимо, пусть даже на гипотетическом уровне, привлекая материалы из других регионов Северной Евразии. Очевидно, что собаки эпохи верхнего палеолита и мезолита уже занимали определенное место в культуре древнейшего населения Западно-Сибирского региона, и обнаружение подтверждений этому лишь дело времени. К тому же на ряде памятников верхнего палеолита в Западной Сибири (Шикаевка II, Волчья Грива) обнаружены кости волка [Петрин, 1986, с. 29, 71], что является прямым свидетельством контактов населения региона с канисовыми 13 – 14 тыс. л.н.

В настоящее время в Северной Евразии известно более десяти памятников верхнего палеолита и мезолита, на которых найдены кости доместицированных собак. Древнейшим из них на территории Евразии считается погребение животного эпохи верхнего палеолита ($10\ 860 \pm 400$; $10\ 760 \pm 110$; $10\ 360 \pm 345$ л.н.), зафиксированное в среднем слое VI стоянки Ушки-1 на Камчатке. Остатки его скелета находились в среднем уровне пола жилища неподалеку от очага, справа от входа. Судя по расположению костей, собака была положена на левый бок, голова прижата к туловищу, а лапы подогнуты к голове. Животное было посыпано охрой, рядом с ним обнаружены обсидиановые орудия (нож и скребок), а также точильный камень из песчаника [Диков, 1979, с. 15]. Н.К. Верещагин определил погребенное животное как уже доместицированную собаку (*Canis familiaris L.*) [1979, с. 18]. Верхнепалеолитическое захоронение человека (ре-

бенка) со многими повторяющимися чертами погребальной обрядности (во внутреннем пространстве жилища, с набором каменных орудий и следами охры) известно в Мальте [Палеолит СССР, 1984, с. 329].

Одной из наиболее ярких находок, относящихся к эпохе мезолита, является собака ($8\ 960 \pm 60$ л.н.), погребенная на стоянке Усть-Белая в бассейне р. Ангары. Судя по расположению костей, животное было положено вдоль борта неглубокой ямы в вытянутом положении на брюхе по линии северо-восток – юго-запад. В области шейных позвонков обнаружено восемь подвесок из клыков марала, по четыре справа и слева. С запада собака была обложена обломками крупных костей быка и рогами быка и косули [Медведев и др., 1971, с. 62 – 63].

К эпохе мезолита относятся и древнейшие захоронения собак в местах погребения людей. На могильнике Попово (VII тыс. до н.э.), расположенном в северной части Восточной Европы (Архангельская обл., р. Кинема), разрозненные кости собак встречаются почти во всех ритуальных ямах. Кроме того, в погр. № 3 найдено ожерелье, составленное в основном из зубов собаки. Наконец, над ямой № 12, расположенной рядом с погр. № 7 (где был похоронен ребенок 7 – 9 лет), находились скелеты двух особей (взрослой и молодой) собак [Ошибкина, 1982, с. 128, 130; 1983, с. 187].

Чрезвычайно интересные погребения восьми собак обнаружены на мезолитических могильниках Скейтхолм I, II (южное побережье Шведской Балтики), исследовавшихся Л. Ларссоном в 1980-х гг. “Человеческий” сопроводительный инвентарь (орудия труда), сходные с человеческими чертами погребальной обрядности – эти особенности позволили Л. Ларссону предположить замещение людей-хозяев отдельно погребенными собаками [Larsson, 1989, p. 219, 220]. Однако эти факты можно интерпретировать и как свидетельства “очеловечивания” самой собаки, отношения к ней как к себе подобному существу. Животные в данном случае выступают в качестве вполне самостоятельных субъектов обрядовых действий, а не как заместитель отсутствующего субъекта (человека). Приведенные в качестве примеров погребения собак верхнего палеолита и мезолита в Северной Евразии могут быть иллюстрацией того, как “в сознании древнего человека животное и человеческое, живое и мертвое тесно соприкасались, быть может, сливались, подобно членам единого сообщества” [Кабо, 1991, с. 49].

Собаки в поселенческих комплексах

К настоящему времени в лесостепном и южно-таежном Обь-Иртышье зафиксировано 15 фактов обнаружения останков собак в местах проживания древнего

Таблица 1. Останки собак в поселенческих комплексах

Памятник*	Дата, культурная принадлежность	Характеристика находки	Публикация или автор находки
Крохалевка-1 (п)	XVIII – XIII вв. до н.э., самусьская культура	Полный скелет в яме на площади жилища	[Молодин, Глушков, 1989, с. 114, рис. 59]
Черное Озеро-1 (п)	XIII – IX вв. до н.э., еловская культура	Череп в слое памятника	Т.Н. Троицкая
Каргат-4 (п)	V – III вв. до н.э., большереченская культура	То же	Н.В. Полосьмак
Омь-1 (п)	III – II вв. до н.э., саргатская культура	Полный скелет в яме на площади жилища, под прокалом	М.А. Чемякина
Ордынское-9 (п)	I в. до н.э. – I в. н.э., новосибирский вариант кулайской культуры	Полный скелет в яме на площади жилища	[Троицкая, 1979, с. 31]
Дубровинский Борок-3 (г)	То же	12 черепов собак и зайцев, расположенных в ряд на площади жилища	[Там же, с. 26]
Перегребное-1 (г)	X – XII вв. н.э.	Череп во рву	[Морозов, Пархимович, 1991, с. 91]
Черный Борок-20 (г)	Слой X – XII вв. н.э.	Череп в яме	А.А. Адамов
Верхнее Аксеново-2 (г), объект № 1	X – XII вв. н.э., усть-ишимская культура	Полный скелет над жилищем	Б.А. Коников
Верхнее Аксеново-2 (г), объект № 2	То же	Полный скелет в слое, рядом керамический сосуд	Б.А. Коников
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 1	»	Полный скелет в слое на святилище	[Коников, 1993, с. 40, 49]
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 2	»	Полный скелет в слое, рядом куски шлака и костяное изделие	[Там же, с. 49]
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 3	»	Череп без нижней челюсти во рву	[Там же, с. 38]
Большой Лог (г)	Вне каких-либо датированных комплексов. В 4 – 6 м от кулайского жилища. Погребение собаки безинвентарное, дата неясна	Череп на уровне материка, над ямой с двумя сосудами эпохи поздней бронзы	Б.А. Коников
Турист-2 (п)	Многослойный разновременный памятник. Погребение собаки безинвентарное, дата неясна	Полный скелет, под каменной плитой	[Молодин и др., 1993, с. 7, рис. 16, 5; 20]

* Поселение – п, городище – г.

населения. Данные об этих находках представлены в табл. 1. В ней не нашли отражения сведения об отдельных, разрозненных посткраниальных частях скелетов собак, обнаруженных на разных памятниках. Как видно, 11 из 15 фактов представляют эпоху железа, при этом, семь – X – XII вв. н.э. Это делает приводимые археолого-этнографические параллели достаточно корректными и снимает ряд методических проблем соотнесения археологических и этнографических источников. Выявление в памятниках одного региона собаки как объекта обрядовых действий при определенном генетическом родстве археологических и этнографических культур, к которым относятся эти археологические объекты, позволяет предполагать преемственность во взглядах носителей этих культур на участие собак в различных видах ритуальных дей-

ствий. Например, одним из современных центров жертвоприношения собак в устье Оби является святилище Лысая Гора, где до сих пор можно видеть остатки этих ритуальных действий. Лысая Гора – копия старого святилища хантыйского рода Тайшиных Ангальский Мыс, которое было перенесено в связи с переселением рода. Святилище Ангальский Мыс расположено всего в 2 км от археологического памятника Усть-Полуй, где имеются следы многочисленных жертвоприношений собак в древности [Перевалова, 1996, с. 86 – 87]. Что же касается находок, относящихся к более раннему времени, то их интерпретация безусловно менее доказательна, что, впрочем, не лишает нас права предпринять попытку их осмысления. Исчерпывающая трактовка каждого из приведенных в табл. 1 фактов вряд ли возможна. Однако им можно

найти этнографические параллели, что, возможно, позволит найти объяснение.

Погребения собак на внутренней площади жилища. Связь собаки и жилища основана прежде всего на устойчивом в различных этнокультурных традициях древности и современности восприятии животного как сторожа места проживания человека. Очевидно, что собаку в качестве сторожа жилища необходимо рассматривать не только в современном понимании этой функции (сторож от посторонних людей, т.е. себе подобных). Может быть, раньше она воспринималась главным образом в роли хранителя, того, кто оберегает от злых духов, болезней и других подобных проявлений, враждебных по отношению к человеку сил, поскольку собака обладала способностями видеть, чувствовать, распознавать и заблаговременно оповещать об этом. Подобная оценка возможностей этих животных по этнографическим материалам очень широко распространена у народов мира, например, у населения Евразии (см.: [Богданов, 1918, с. 109 – 111; Васильев, 1935, с. 35; Жельвис, 1984, с. 135 – 143; и др.]), в том числе в угро-самодийской среде [Мошинская, Лукина, 1982, с. 48 – 49]. Однако это относится прежде всего к живым собакам, а мы имеем дело с явно ритуальными погребениями животных. В данном случае речь может идти, видимо, о преднамеренном (со стороны человека) установлении продолжительной связи именно умершего животного, вернее его образа, духа, с местом проживания человека. Эта связь возникает в результате проведения некоего ритуала, следами которого является скелет животного в яме на внутренней площади жилища.

Задача по интерпретации погребений собак на внутренней площади жилища заставляет нас заняться анализом вопросов, связанных с обрядом принесения строительной жертвы. Он также широко представлен у различных народов Евразии [Байбурин, 1979, с. 155 – 162; Криничная, 1984, с. 154 – 161]. Имеется опыт объяснения археологических фактов, связанных с животными, как следов принесения строительной жертвы [Формозов, 1984, с. 238 – 241]. Однако даже в ходе наблюдений за живой культурой невозможно до конца уяснить смысл обряда. В настоящее время имеется несколько версий его интерпретации [Криничная, 1984, с. 155]. Одна из основных “задач” обряда – приобретение жилищем (и его жильцами) духа-покровителя, оберега. В данном случае функция оберега принадлежала духу собаки. Не исключено, что с выполнением этой функции связаны и погребенные во рвах городищ отдельные черепа собак. Ров, отделяющий внутреннее пространство городища от внешнего, в любом варианте интерпретации может рассматриваться как граница между наиболее значимой для древнего населения (по различным причинам) площадью и внешним по отношению к ней миром. Эта граница так-

же должна охраняться сторожем – духом собаки. Условия залегания черепа собаки во рву городища Перегребное-1 исключает случайное попадание находки в уже функционирующую оборонительную систему. Череп лежал на дне рва под деревянным настилом, на слое гальки [Морозов, Пархимович, 1991, с. 91]. Иными словами, он попал туда в процессе сооружения оборонительной системы, во всяком случае до сооружения деревянного настила на дне рва.

Возможна еще одна интерпретация погребения собак в жилищах. Рассматривая вертикальное членение мансийского дома, И.Н. Гемуев выделяет три зоны – верхнюю (чердак, чистое место, где обитают духи), жилое человеческое пространство и область нижнего мира, и приводит сообщение А.К. Каннисто, согласно которому “на Сосьве при жертвоприношениях Куль-отыру, владыке подземного царства (нижнего мира), принято было приносить кровавую жертву в жилище. По окончании ритуала шкура и кости животного зарываются в доме” [1990, с. 21]. В представлениях обских угров Куль-отыр связан со смертью и болезнями [Петрухин, Хелимский, 1992, с. 567].

При любой трактовке находок собаки (ее дух) либо выполняет функцию оберега от враждебных человеческих сил, либо связана с представителями нижнего мира, смертью, т. е. не выходит за рамки традиционного к ней отношения, имеющего общемировое распространение.

Скопление черепов. Возле очага жилища № 1 на городище Дубровинский Борок-3 по перпендикулярной к нему линии расположены 12 чередующихся черепов зайцев и собак. Все черепа находились на левом боку, теменем к очагу, резко отличавшемуся от остальных, выявленных на городище: в его заполнении было много мелких пережженных костей, капли бронзы; рядом с очагом зафиксировано скопление рыбьей чешуи. Все находки сосредоточивались на дне углубленной части жилища [Троицкая, 1979, с. 59]. Скопления черепов животных в археологии Западной Сибири зафиксированы неоднократно. В 1935 г. В.С. Адриановым на городище Усть-Полуй при раскопках жертвенного места обнаружено 17 черепов собак [Мошинская, 1953, с. 73; 1965, с. 13]. Н.В. Федоровой в ходе раскопок на этом же памятнике в 1995 г. также найдены черепа собак [Перевалова, 1996, с. 84]. Следы аналогичного ритуала с черепами животных зафиксированы и при раскопках Саровского городища [Чиндина, 1978, с. 67; 1984, с. 48 – 49]. Судя по характерным признакам, он сохранился у населения Западной Сибири и в более позднее время. Так, в материалах поселения середины II тыс. н.э. у мыса Хаэнсале (п-ов Ямал) “в одной из землянок у стены за костром были найдены более 30 песчаных черепов и большое количество их обломков” [Чернецов, 1957, с. 235].

Анализ археологических следов позволяет определить некоторые характерные черты этого обряда: 1) он не связан исключительно с собаками и вообще с каким-то одним видом животных; 2) в обрядовых действиях использовались только черепа, ни в одном случае вместе с ними не обнаружены шейные позвонки (их наличие предполагается при использовании голов), в височную дугу одного из черепов Усть-Полуя была пропета плечевая кость собаки [Мошинская, 1953, с. 73], что, естественно, невозможно до исчезновения мягких тканей на голове животного; 3) черепа располагались компактно; 4) в обрядовом действии использовались, как правило, черепа животных одного вида; 5) черепов всегда много, что можно объяснить либо неоднократностью действия, либо специальной (порой длительной, судя по материалам Хаэн-сале) подготовкой к нему; 6) черепа находились в непосредственной близости от следов огня (прокалов) и различных предметов материальной культуры, которые возможно интерпретировать как жертвенные.

В.Н. Чернецов, анализируя обнаруженное им скопление песчаных черепов на Хаэн-сале, был склонен искать объяснение этому факту “в религиозных обрядах типа праздника воскресения зверей, известного по этнографии чукчей и эскимосов” [1957, с. 235]. Т.Н. Троицкая также связала скопление черепов зайцев и собак с идеей реинкарнации (воскрешения) животных, к тому же с промысловым культом. На наш взгляд, убедительная интерпретация следов данного обряда в настоящем время затруднена. Однако круг аналогов, среди которых есть и скопления только собачьих черепов (явно “непромыслового” животного), не позволяет считать данное скопление признаком промыслового культа. Не исключено, что рассматриваемые следы обрядовых действий отражают какие-то формы тотемических представлений.

Собаки в погребальных комплексах

К настоящему времени в лесостепном и южно-таежном Обь-Иртышье зафиксирован 21 факт обнаружения останков собак в местах погребения людей. Данные об этих находках представлены в табл. 2. В ней отражены лишь случаи совместного залегания костей погребенных людей и собак в контексте одного археологического объекта. В ней не нашли отражения некоторые факты обнаружения костей собак на площади некрополей, но не связанные безусловно с погребениями людей [Кунгурев, Горбунов, 1994, с. 92 – 94; Полосыма, 1987, с. 95, рис. 8; 71, 7; и др.]. Хронологически находки распределяются так же, как и на поселениях: 19 из 21 находки датируются эпохой железа, 15 – в пределах второй половины I – II тыс. н.э.

В большинстве мифоритуальных традиций мира собака в том или ином виде связывается со смертью.

К сожалению, далеко не все из проявлений названной связи могут быть нами зафиксированы. Так, мы не сможем узнать, как относилось древнее население Обь-Иртышья к ночному вою собак или к снам, в которых фигурирует это животное. Но известно, что и то, и другое в традиционных представлениях очень многих народов связывается со смертью. Иллюстрацией этого может быть очень реалистично выполненное из дерева скульптурное изображение воющей собаки, найденное на одной из могил селькупского кладбища [Гемуев, Пелих, 1993, с. 292].

Несмотря на сравнительную малочисленность анализируемых находок, можно установить особенность, объединяющую их вне зависимости от хронологической и культурной принадлежности и связанную с местом расположения костей собак около скелетов людей. Кости собак в 13 случаях находились выше останков погребенных вместе с ними людей (непосредственно над костями погребенных в могиле, в заполнении грабительского хода в могилу или в насыпи кургана), в четырех – вместе с костями погребенных, в двух – во рву вокруг могилы, в одном – под скелетом погребенного, еще в одном – характер расположения не ясен. Иными словами, собаки (или их отдельные кости) в большинстве случаев оказались либо включенными в контекст погребального комплекса после положения туда умершего человека (13 случаев), либо явно связанными с определенным рубежом (два случая, не вызывает сомнений, что ров вокруг могилы при любых вариантах деталей интерпретации может рассматриваться как некая граница, отделяющая внутреннее пространство с могилой на ее площади от внешнего).

Диахронная структура погребального ритуала у представителей любой культуры в наиболее общем виде состоит из трех последовательных этапов, которым соответствуют комплексы действий живых в связи со смертью сородича: “до”, “во время” и “после” совершения собственно похорон (см., напр.: [Дьяконова, 1975, с. 6; Алексин, 1981, с. 3]). Комплекс действий “после” направлен на организацию границы между оставшимися в реальном мире и ушедшими в другой мир, а также отношений между ними. Как видим, собака в археологических объектах наиболее часто зафиксирована именно в связи с этим комплексом действий.

Специфика расположения костей собак в погребальных комплексах Обь-Иртышья объясняется, очевидно, устойчивыми особенностями образа этого животного в мифологических представлениях, связанных со смертью человека, и ритуальной практике народов Евразии. Классифицируя различные проявления связи “собака и смерть”, можно видеть, что у несхожих по этнокультурной и языковой принадлежности носителей разных мифологических традиций

Таблица 2. Собаки в погребальных комплексах

Памятник	Дата	Характеристика находки	Публикация или автор находки
Быстровка-2, кург. № 1, погр. № 13	III – II вв. до н.э.	Полный скелет в заполнении грабительского хода в могилу	Т.В. Мжельская
Каменный Мыс, кург. № 3	Конец III – II в. до н.э.	Полный скелет в насыпи с фрагментом бронзовой бляшки	[Троицкая, 1979, с. 9]
Крохалевка-23, кург. № 5	V – VI вв. н.э.	Полный скелет в насыпи	А.В. Новиков
Юрт-Акбалык-8, кург. № 13	VI – VII вв. н.э.	Кости в насыпи (повреждены)	[Троицкая, 1981, с. 110]
Юрт-Акбалык-8, кург. № 27	То же	Полный скелет в насыпи	Т.Н. Троицкая
Релка, кург. № 4	»	“Кости собаки” в насыпи	[Чиндина, 1977, с. 15]
Релка, кург. № 6, погр. № 5	»	“Кости собаки”	[Там же, с. 19]
Крохалевка-13, кург. № 20	VII – IX вв. н.э.	Полный скелет в насыпи с двумя точильными камнями	[Троицкая, Елагин, Семьянов, 1995, с. 229]
Змеинский курганный могильник, кург. № 23	XI – XIII вв. н.э.	К северо-западу от костей человека, на их уровне, правая нижняя челюсть взрослой собаки	[Беликова, 1996, с. 17]
Высокий Борок, кург. № 16	XIII – XIV вв. н.э.	Полный скелет в насыпи	А.А. Адамов
Красный Яр-1, кург. № 40	То же	То же	А.А. Адамов
Бедеревский Бор-2, мог. № 29	XVII в. н.э.	Скелет собаки на тазовых и бедренных костях человека	А.И. Боброва
Протока	Неолит	Челюсть собаки среди погребений людей	[Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 15]
Сопка-2, кург. № 14, погр. № 5	Вторая треть II тыс. до н.э.	Под скелетом человека погребение собаки в яме	[Молодин, 1985, с. 76]
Венгерово-7, кург. № 1, погр. № 15	V – III вв. до н.э.	У таза погребенного расплененные вдоль челюсти собаки (?)	[Савинов, Полосьмак, 1985, с. 84]
Сопка-2, кург. № 72, погр. № 2 (№ 601)	XIII – XIV вв. н.э.	Полный скелет собаки в одной могильной яме с погребением людей	[Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 199]
Бергамак-2, во рву мог. № 17	XVII – XVIII вв. н.э.	Кость собаки (?)	[Татауров, Тихонов, 1996, с. 78]
Бергамак-2, во рву мог. № 19	То же	Мелкие кости и челюсть собаки (?)	[Там же, с. 80]
Исаковка-3, кург. № 1	Конец III – начало I в. до н.э.	В насыпи кость собаки	[Погодин, Труфанов, 1991, с. 101]
Кип-3, кург. № 11, погр. № 1	X – XIII вв. н.э.	Полный скелет собаки в могильной яме над погребением человека	[Конников, 1993, с. 70]
Кип-3, кург. № 17	То же	Полный скелет в насыпи	[Там же, с. 73]

общемировыми являются представления не только о роли и образе собаки в действиях связи со смертью человека (огромное разнообразие частных вариантов образа собаки и различных “производных” от этого образа, например, чудовища с головой пса и т.п., а также ее роли), сколько о месте ее действия как персонажа мифа. Это место – граница между мирами живых и мертвых. В различных мифологических традициях собаки являются стражниками мира мертвых, могут способствовать переправе душ умерших через границу миров, сопровождать их на судилище, принадлежать основному стражнику загробного мира, выполнять функции посредника между миром живых и ми-

ром мертвых и т.д. Подобный образ присутствует и в мифах народов уральской языковой семьи, в частности финно-угров, и находит отражение в деталях похоронной обрядности. Например, марийцы, чтобы “умерший мог отогнать собак”, которые якобы охраняют загробный мир, в его руки вкладывали палку [Мифологический словарь, 1991, с. 291]. Манси при возвращении с похорон перебрасывали через себя собак для защиты от духа умершего. Чуваши, мари, удмурты и коми остатки поминального обеда обязательно скармливали собакам и по их поведению при этом судили о том, как чувствуют себя усопшие на том свете и довольны ли они предложенным им

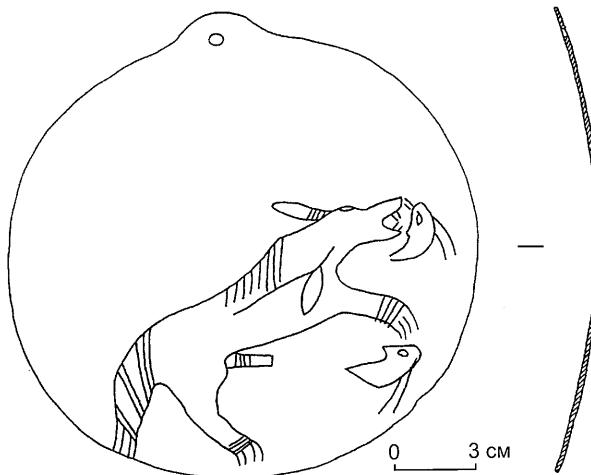

Рис. 1. Бронзовая бляха с гравированным изображением из Истяцкого клада.

угощением. Визг и драка животных считались самым хорошим признаком [Васильев, 1935, с. 73]. У некоторых современных групп хантов трупы собак нельзя закапывать в землю – “собаку в землю закопать все равно, что себя закопать” [Мошинская, Лукина, 1982, с. 58]. По этнографическим наблюдениям, собаку довольно часто оставляли на могиле погребенного хозяина. Ханты, проживающие по рекам Юган и Казым, ее предварительно убивали [Кулемзин, 1984, с. 142], а селькупы с р. Нарым оставляли живую, но связанную собаку над могилой вместе с устойчивым набором вещей и убитым оленем [Пелих, 1972, с. 87]. Расположение большинства костей собак в погребальных комплексах указывает на их связь именно с комплексом действий “после” в диахронной структуре погребальной обрядности древнего населения Обь-Иртышья, т.е. с действиями, ассоциируемыми с организацией границы и характера пограничных отношений между мирами живых и мертвых. Такая трактовка согласуется с имеющимися общемировое распространение традиционным пониманием места и характера действия собаки (персонажа мифов) в связи со смертью человека. Отметим, что собака как посредник между различными структурами мифологического пространства не обязательно связывается с мортальными представлениями и ритуальной практикой [Щепанская, 1991, с. 71 – 79].

Связь собаки с погребальной обрядностью у западно-сибирских угро-самодийцев могла иметь и еще один аспект. По существовавшим у них легендам [Пелих, 1972, с. 119; Кулемзин, Лукина, 1973, с. 25 – 26; Мифы..., 1990, с. 75] именно на это животное была возложена функция оживления умершего человека-хозяина (в подобные возможности собак верили не только западно-сибирские народы). Кстати, согласно некоторым из этих легенд, “собака тоже сначала была

человеком” и именно ее “ошибки” при этом “оживлении” послужили причиной того, что человек (предок собаки) превратился в настоящую собаку (мифологическое подтверждение сказанного выше). Этот сюжет относится к наиболее архаичным прообразам животного эпоса, и многочисленные аналогичные ему варианты можно обнаружить у различных народов мира, тотемические мифы которых подчеркивают, что многие звери были когда-то людьми и лишь со временем приобрели облик животных [Костюхин, 1987, с. 25 – 31; Соколова, 1972, с. 44; Лукина, 1983, с. 227].

Изображения канисовых из Истяцкого клада

Яркие предметы искусства с изображениями канисовых являются частью т. н. Истяцкого клада. Набор бронзовых изделий, который включает круглую бляху с выгравированным изображением канисовых (рис. 1) и серию плоских литых фигурок волков и собак (рис. 2), случайно обнаружен в 1886 г. в 180 км от Тобольска “по почтовой дороге из Тобольска в Омск” [Чернецов, 1953б, с. 162]. В отличие от других блях с гравировками из Истяцкого клада [Там же, с. 167, табл. XX, 1 – 8; с. 169, табл. XXII, 5, 7] рассматриваемый в работе экземпляр не был опубликован В.Н. Чернецовыми. Прорисовку только изображения на бляхе, но неточную (“по наброску”), поместил в свою работу А.А. Спицын [1906, с. 86, рис. 29]. Он интерпретировал гравировку как изображение медведя и двух “островерхих” человеческих голов “с космами позади” [Там же, с. 31]. Часть литых изображений канисовых опубликована в виде фотографий [Чернецов, 1953б, с. 169, табл. XXII, 1 – 4; с. 170, табл. XXIII, 1 – 11].

Наиболее древние вещи из Истяцкого клада изготовлены не ранее III – II вв. до н.э. Однако это не значит, что время культовой значимости данного набора может быть определено лишь этим хронологическим отрезком, – вещи могли быть задействованы и значительно позднее, как можно убедиться по этнографическим западно-сибирским материалам [Гемуев, Молдин, Сагалаев, 1984, с. 62 – 80; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 156 – 186], вплоть до XX в.

Изображенное на бляхе животное по своей иконографии аналогично канисовым, запечатленным в плоских фигурках. Повторение многих деталей в гравировке и литье (в частности, своеобразное проявление “скелетного стиля”, насечки на лапах, ухе, фаллосе, хвосте) является доказательством синхронности и единокультурности этих памятников изобразительного творчества. Литые фигурки канисовых из Истяцкого клада достаточно своеобразны: с одной стороны, они безусловно относятся к кругу изображений хищников урало-сибирского культового литья, где им

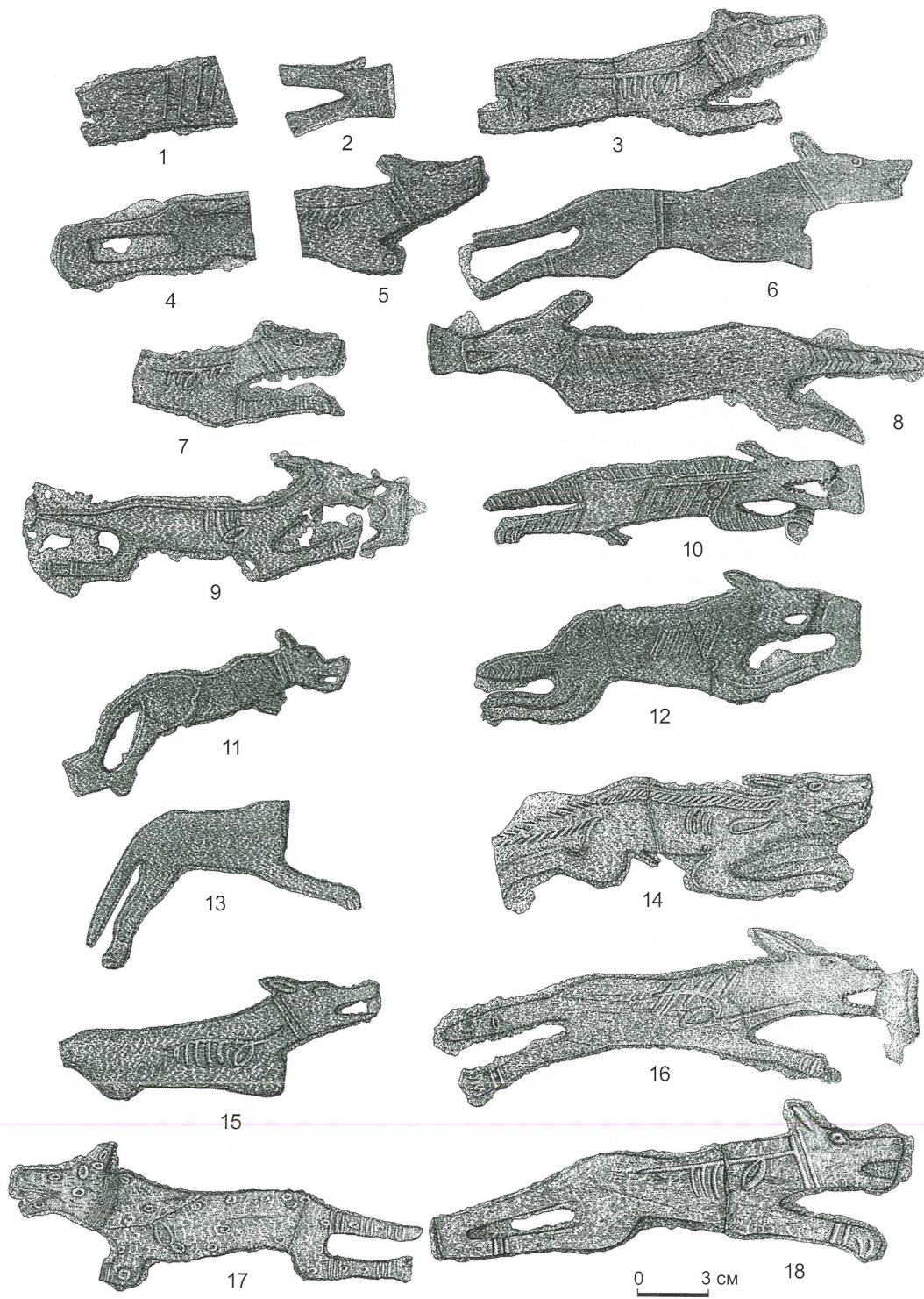

Рис. 2. Литые фигурки канисовых из Истяцкого клада.

можно найти ряд аналогов, с другой – у них отсутствует характерная для этого стиля статичность [Чижкова, 1980, с. 331] – собаки-волки мчатся в стремительном полете за невидимой целью. А.А. Спицын назвал этих животных собаками [1906, с. 33], а В.Н. Чернецов – волками [1953б, с. 165, 169, 171], при этом ни тот, ни другой не мотивировали свои выводы.

Некоторые из литых животных изображены с “ошейниками” (см. рис. 2, 3, 5 – 7, 9, 11, 15, 17, 18). Изображение кольца (“ошейника”) на шее животных и птиц достаточно широко распространено у западносибирских угро-самодийцев. Этнографические аналоги ему известны у манси [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 171]. В атрибутике селькупских шаманов «кольцо

(“лак”), надетое на изображение духа, означало, что последний “окольцован”, т.е. приручен, подчинен воле шамана» [Пелих, 1980, с. 27]. Животное, изображенное на бляхе из Истяцкого клада, подобного ошейника не имеет, что, возможно, может подчеркивать его не-прирученность, “необузданность”. Кстати, подобные ошейники показаны на изображениях не только хищников (медведи и волки), но и других животных (заяц, лось) [Беликова, Плетнева, 1983, с. 214, рис. 79, 15; Чиндина, 1991, с. 161, рис. 21, 15], поэтому их нельзя использовать как некий видовой маркер. Впрочем, при интерпретации мифологической основы данного изображения строгое видовое определение в пределах рода *Canis* семейства *Canidae*, видимо, имеет второстепенное значение, поскольку во многих мифологических традициях собака и волк представляют собой синонимичный персонаж [Иванов, 1975, с. 399 – 400; 1977, с. 156 – 164; Рыбаков, 1981, с. 584; Кубарев, Черемисин, 1987, с. 112]. Что же касается “островерхих человеческих голов с космами позади” (по А.А. Спицыну), то их интерпретация как изображения луны (месяца) основывается на многочисленных иконографических параллелях, относящихся к различным эпохам, этнокультурным и художественным традициям.

Обратимся к мифам и ритуальной практике носителей архаичного мировоззрения, где можно проследить параллели с изображенным на бляхе сюжетом. Еще в XIX в. исследователи отмечали у разных народов мира удивительное единство мифоритуальных образов, связанных с луной. “Рождение”, “жизнь” и “смерть” луны на ночном небосклоне, а также ее затмения – эти сюжеты принадлежат наиболее архаичным пластам мифологических построений очень многих народов. В основе многочисленных представлений о луне лежит убежденность, что при затмении она поедается неким олицетворением зла, а в последующем в силу различных обстоятельств ночное светило извергается наружу и таким образом оживает. По-видимому, во всех мифологических традициях Евразии присутствует этот чрезвычайно архаичный сюжет “лишения” и последующего “дарения” жизни. Именно неразрывная связь умирания и возрождения является сюжетным стержнем лунных мифов. Эта связь “явно сродни той многозначности, которой обладают в мифологии мотивы зачатия, рождения, умирания” [Сагалаев, 1991, с. 129]. Определяет сюжетную специфику лунных мифов замкнутая цикличность умирания и возрождения, что является иллюстрацией “замкнутого времени”, отсутствия в архаическом мировоззрении категории линейного времени [Гуревич, 1984, с. 108]. Луна в системе подобных представлений о времени с древности являлась главнейшим наглядным космическим подтверждением его цикличности, вечного круговорота рождения и смерти [Элиаде, 1987, с. 91]. Круговоротение умирания и возрождения может коди-

роваться, в частности, как “проглатывание” и “извержение”, и в этом аспекте оно связывается с активностью различных мифологических персонажей – от верховного бога до неопределенного “чудовища” [Сагалаев, 1991, с. 128]. Несмотря на то, что мифологические образы зла могут быть различными, действия людей в разных регионах мира при затмении в целом одинаковы и направлены на отпугивание образа зла от поедаемого им светила [Афанасьев, 1994, с. 750 – 751].

Очень часто и широко в качестве мифологических персонажей, которые поедают небесное светило (дневное или ночное), выступают волки (собаки). В данном случае волк-пожиратель персонифицирует собой образ зла, противостоящий небесному светилу. Этому мифологическому сюжету (собака/волк и различные “производные” от этого образа, поедающая/похищающая солнце/луну) можно найти множество параллелей в мифологических традициях народов мира [Толстая, 1995, с. 245 – 247; Иванов, Топоров, 1991, с. 127 – 128; Рыбаков, 1981, с. 584; Кабакова, 1991, с. 135; Мелетинский, 1991а, с. 461; 1991б, с. 571 – 572; Афанасьев, 1994, с. 750 – 751; Тайлор, 1989, с. 157; Концевич, 1991, с. 454; Спекковский, 1988, с. 64; Крейнович, 1973, с. 32 – 33]. Принципиально важно то, что волк-поглотитель в результате действий людей или по другим причинам является и волком-извергателем. Поглощение (похищение, засыпание, смерть) в мифологическом контексте может рассматриваться лишь в неразрывной связи с извержением (возвращением, пробуждением, воскресением). Именно это возрождение – сюжетный апофеоз всех лунных мифов. В зоне тайги Западно-Сибирского региона также зафиксированы реликты лунных мифов, в которых месяц умирает и возрождается. Здесь широко распространена легенда о периодически умирающем и возрождающемся месяце – женихе, разорванном двумя его женами, солнцем и дьяволом [Пелих, 1980, с. 14 – 15]. Сюжет мифа, иллюстрацией которого является гравировка на бляхе, предполагает наличие двух лун одновременно. Присутствие в сюжете нескольких светил (как дневных, так и ночных) не являлось чем-то необычным для западно-сибирских мифов [Там же, с. 14; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 122]. Главная же особенность изображения на бляхе, которая, на наш взгляд, и является ключом к прочтению этого изобразительного текста, заключается в том, что луны, выгравированные на бляхе, показаны не в фазе “умирания”, а в фазе нарождения, близкой к первой четверти. Иными словами, луны на бляхе не погибают, а возрождаются.

Выводы

Археологические факты позволяют предполагать “участие” собак в различных по своей сути обрядовых

действиях, что было обусловлено, видимо, немаловажной ролью этих животных в системе мировоззрения древнего населения Западной Сибири. Древнейшие захоронения одомашненных собак на территории Северной Евразии отражают многообразие форм ритуальной практики, в которых выступает это животное (ритуальное погребение в месте проживания людей, участие в погребальной обрядности, в частности детской, и др.). Эти формы сохранились и получили развитие в последующие эпохи. Не исключено, что в основе характера отношения человека к собаке лежат отношения к ее предкам (прежде всего волкам).

Не вызывает сомнений “участие” собак в обрядах жизненного цикла (обрядах перехода) древнего населения Западной Сибири (в этой группе наиболее ярко проявилось участие собак в погребально-поминальной и производственно-промышленной обрядности). В последней группе вполне возможно использование собаки в качестве строительной жертвы, оберега при строительстве жилища, оборонительной системы городища. Вполне возможно, что собаки присутствовали в атрибутике и ритуальной практике западно-сибирского шаманизма, были персонажами космогонических мифов, где наряду с волками могли персонифицировать собой образ зла.

Существует точка зрения [Шишгин, 1996, с. 65], что широкое “участие” собак в ритуальной практике древнего населения Западной Сибири связано с влиянием культуры древних иранцев, у отдельных групп которых это животное было одним из центральных персонажей мифоритуальной системы погребальной обрядности (см.: [Литвинский, Седов, 1984, с. 161 – 169; и др.]). Не исключая контактов между носителями различных этнокультурных традиций на территории Западной Сибири, в частности иранцев и обских угров, отметим, что идея связи собаки со смертью имеет общемировое распространение и поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве примера культурных заимствований. На территории Западной Сибири (особенно в ее северной части) связанные с собаками представления могли развиваться автохтонно. Не исключено также, что они имеют палеоазиатские корни. Ведь неслучайно, что наиболее яркие формы присутствия собак в ритуальной практике людей в наши дни сохранились именно у палеоазиатов Северной Азии [Лукина, 1983, с. 233].

В заключение отметим, что при интерпретации единичных фактов проявления какого-либо феномена культуры мы должны учитывать наличие “определенной семантической дистанции между нормой культуры и ее реальным функционированием как одного из проявлений между должноным и сущим” [Мыльников, 1989, с. 31]. Наличие среди большого количества более или менее исследованных археологических па-

мятников Западной Сибири лишь нескольких десятков преднамеренных (ритуальных) погребений собак на фоне многочисленных фактов обнаружения их разрозненных посткраниальных костей вне какого-либо “ритуального” контекста дает повод предполагать, что эти находки не являются отражением всеобщей и безусловной нормы. Отношение к собаке на всех этапах сочетало в себе крайне условно выделяемые [Байбурин, 1989, с. 76 – 78] “рациональную” и “иррациональную” основы.

Список литературы

- Алекшин В.А.** Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 3 – 9.
- Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М.: Индрик, 1994. – Т. 1. – 800 с.
- Байбурин А.К.** “Строительная жертва” и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 155 – 162.
- Байбурин А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 63 – 88.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X – XI вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 269 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.
- Богданов В.В.** Древние и современные обряды погребения животных в России // Этногр. обозрение. – М., 1918. – № 3/4. – С. 109 – 111.
- Васильев Ю.А.** Собаки в фольклоре и культе северных народов // Сов. Арктика. – 1935. – № 5. – С. 72 – 77.
- Верещагин Н.К.** Остатки млекопитающих из палеолитического слоя VI стоянки Ушки-1 // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 18 – 19.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М.** Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 62 – 80.
- Гемуев И.Н., Пелих Г.И.** О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. – Budapest: Akademiai Kiado, 1993. – N. 38 (1 – 3). – P. 287 – 308.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Гречева Г.Н.** Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 173 с.
- Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 351 с.
- Диков Н.Н.** Захоронение домашней собаки в жилище позднепалеолитической стоянки Ушки-1 на Камчатке // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной

- археологической экспедиции). – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 12 – 17.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Жельвис В.И.** Человек и собака: (Восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 135 – 143.
- Иванов В.В.** Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих кульп волка // Изв. АН СССР. Сер. литер. и яз., № 5. – 1975. – Т. 34. – С. 399 – 408.
- Иванов В.В.** К балкано-балто-славянско-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. – М.: Наука, 1977. – С. 143 – 164.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Волкодлак // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 127 – 128.
- Кабакова Г.И.** Вырколак // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 135.
- Кабо В.Р.** Религия палеолитического человека: возможности ее реконструкции // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: Изд-во ГМИРа, 1991. – С. 45 – 51.
- Конников Б.А.** Таежное Прииртышье в X – XIII вв. н.э. – Омск: Омск. гос. пед. ин-т, 1993. – 223 с.
- Концевич Л.Р.** Пулькэ // Мифолог. слов. / Под. ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 454.
- Косарев М.Ф.** Человек и природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. – М.: Наука, 1988. – С. 84 – 113.
- Костюхин Е.А.** Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 270 с.
- Крейнович Е.А.** Нивхги. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М.: Наука, 1973. – 495 с.
- Криничная Н.А.** Эпические произведения о принесении строительной жертвы // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 154 – 161.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В.** Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Археологические исследования и быт народов Сибири XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98 – 117.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 191 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Легенды и сказки хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 58 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 225 с.
- Кунгурев А.Л., Горбунов В.В.** Ритуальные захоронения животных на грунтовом могильнике Обские Плесы II // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 91 – 96.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
- Лукина Н.В.** Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкоизнании и этнографии. – Л.: Наука, 1983. – С. 226 – 233.
- Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Леженко И.Л., Савельев Н.А.** Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. – Ч. I: Памятники Ангарско-Бельского и Ангарско-Идинского районов. – 242 с.
- Мелетинский Е.М.** Рагнарек // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991а. – С. 461 – 462.
- Мелетинский Е.М.** Фенрир // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991б. – С. 571 – 572.
- Мифологический словарь** / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 291.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси** / Сост. Н.В. Лукина. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В.** Археологические памятники города Новосибирска. – Новосибирск: Наука, 1993. – 32 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 261 с.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г.** Городище Перегребное-1: (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1991. – С. 89 – 99.
- Мошинская В.И.** Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953. – С. 72 – 106. – (МИА; № 35).
- Мошинская В.И.** Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. Д3-8. – 1965. – 88 с.
- Мошинская В.И., Лукина Н.В.** О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – С. 226 – 233.
- Мыльников А.С.** Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 7 – 37.
- Новик Е.С.** Архайческие верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1994. – С. 110 – 163.
- Ошибкина С.В.** Мезолитический могильник Попово на р. Кинеме // СА. – 1982. – № 3. – С. 122 – 137.
- Ошибкина С.В.** Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
- Палеолит СССР.** – М.: Наука, 1984. – 383 с. – (Археология СССР).
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 423 с.
- Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5 – 70.
- Перевалова Е.В.** Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижнеобских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IV Всерос. научн. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Омск: ОмГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 83 – 87.
- Петрин В.Т.** Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 142 с.

- Петрухин В.Я., Хелимский Е.Х.** Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 563 – 568.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: ОмГУ, 1991. – С. 98 – 127.
- Полосымах Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Полосымах Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С.** Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 103 с.
- Разинкин А.В.** Образы волка и собаки в фольклоре народов Сибири и Дальнего Востока // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Материалы конф. – Новосибирск: Ин-т филол. СО РАН, 1995. – Т. 1: Филология. – С. 320 – 321.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Савинов Д.Г., Полосымах Н.В.** Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 75 – 103.
- Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 154 с.
- Сергин В.Я.** Об одной гипотезе одомашнения собаки // СА. – 1971. – № 1. – С. 195 – 200.
- Соколова З.П.** Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
- Спеваковский А.Б.** Духи, оборотни, демоны и божества айнов: (Религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). – М.: Наука, 1988. – 206 с.
- Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – СПб., 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.
- Тайлор Э.Б.** Первобытная культура. – М.: Изд-во полит. лит., 1989. – 573 с.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.** Могильник Бергамак II // Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 58 – 83. – (Этнографоархеологические комплексы).
- Толстая С.М.** Луна // Славянская мифология: Энцикл. слов. / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 245 – 247.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.
- Троицкая Т.Н.** Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 101 – 120.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С., Семьянов И.В.** Крохалевка-13 – могильник верхнеобской культуры // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 225 – 242.
- Файнберг Л.А.** У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. – М.: Наука, 1980. – 152 с.
- Формозов А.А.** Строительная жертва на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. – 1984. – № 4. – С. 238 – 241.
- Чернепцов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953а. – С. 7 – 71. – (МИА; № 35).
- Чернепцов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953б. – С. 121 – 178. – (МИА; № 35).
- Чернепцов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Наука, 1957. – С. 136 – 245. – (МИА; № 58).
- Чижкова Л.В.** О происхождении и этнической принадлежности урало-сибирского культового литья // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 329 – 337.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 192 с.
- Чиндина Л.А.** Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 51 – 80.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 254 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. – 181 с.
- Шишкин А.С.** Некоторые общие черты отношения к собаке в представлениях обских угров и иранцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы IV Всерос. научн. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Омск: ОмГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 63 – 65.
- Шовкопляс И.Г.** Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. – Киев: Наук. думка, 1965. – 327 с.
- Щепанская Т.Б.** Собака – проводник на грани миров // ЭО. – 1991. – № 1. – С. 71 – 79.
- Элиаде М.** Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- Bökönyi S.** History of domestic mammals in central and eastern Europe. – Budapest, 1974. – 587 p.
- Larsson L.** Big dog and poor man. Mortuary Practices in Mesolithic Societies in Southern Sweden // Approaches to Prehistory. – Oxford, 1989. – P. 211 – 223.

Материал поступил в редакцию 04.04.1999 г.

УДК 903.2

Л.Н. Ермоленко

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: museum@kemsu.ru

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ

Введение

Вопрос о семантике скифских и сарматских зеркал неоднократно рассматривался в литературе [Хазанов, 1964; Раевский, 1977; Виноградов, 1980; и др.]. С.С. Бессонова обобщила существующие мнения, выделив два основных значения зеркала. Согласно первому, зеркало является “символом солнца, плодородия, эротики и женского начала”. В соответствии со вторым, зеркало есть магический и мантический предмет, способный отражать целый мир, а также вмещать образ и душу человека [Бессонова, 1983, с. 102]. В данной статье обосновывается существование иного – героического – смысла зеркала. Предпринять исследование в этом направлении меня побудила цитата из “Махабхараты”, запечатлевшая героический аспект семантики зеркала и вызывающая ассоциации со скифским и сарматским материалами.

Фольклорные и изобразительные свидетельства героического аспекта семантики зеркала

В “Махабхарате” (“Книга о Дроне”) описывается приготовление к битве Сатьяки – героя из рода ядов. Сатьяки совершает омовение, очищается, над ним производят “благоприятствующие обряды”, тысяча брахманов призывают на него благословения. “И освященный теми благословениями, он, наилучший из прекрасных, заслуживающий почетного напитка (здесь и далее курсив мой. – Л.Е.), выпив тогда мед кайлавата, выглядел весьма блестательно с покрасневшими глазами, врачающимися от опьянения. Прикоснувшись к бронзовому зеркалу и преисполненный великой радости, он вдвое усилился в своей мощи, уподобился сверкающему огню” (Мхб VII. 87: 63). В комментариях к

тексту В.И. Кальянов отмечает: «Бронзовое зеркало (*vīra-kāñṣya*) – букв. “бронзовое зеркало героев” (для возвеличения мощи), как видно из контекста» [Махабхарата, 1993, с. 568, примеч. 297]. Из приведенного отрывка следует, что для усиления мощи упомянутому герою древнеиндийского эпоса были необходимы пьянящий напиток и зеркало.

Благоприятное воздействие пьянящего напитка на военную мощь воспевалось еще в древнейших ведийских гимнах. Согласно “Ригведе”, мощь Инды усиливала опьяняющий, возбуждающий воинственный пыл, приводящий в неистовство Сома (РВ I, 81: 8; I, 121: 8; I, 165: 4; I, 176: 1 и т.д.). Известное сообщение Геродота об обычаях скифов раз в году удостаивать вином из “кратера”* героев, убивших врага, также указывает на семантическую связь образов доблестного воина и пьянящего напитка. Свидетельством существования подобных представлений у сарматов может быть изображение на ажурной гравише из Кобяковского кургана [Гугуев, 1992, с. 120, рис. 4] (см. рисунок, I). В центре композиции показан пирующий воин, который сидит “по-восточному” и держит двумя руками сосуд. По обеим сторонам от него – зеркально-симметричные изображения сцен борьбы трех зооантропоморфных воинов с фантастическим животным (по определению В.К. Гугуева, драконом, наделенным некоторыми чертами волка). Чудовищные воины, похожие друг на друга, одеты в доспехи и вооружены чем-то наподобие дубинок. Еще одна такая сцена имеется на тыльной части гравиши. Как предположил В.К. Гугуев, пирующий воин равнозначен сражающимся зооантропоморфным воинам, и на гравише, таким образом, воспроизведены

* Скифского котла? – См. об этом [Ермоленко, 1998, с. 110 – 111].